

ЛЕТОМ 1936 года Артема Веселого пригласили в Ашхабад писать сценарий о борьбе с басмачеством. Общается он с туркменскими писателями, кино же для Артема Ивановича дело новое: он — прозаик, романист. Русский читатель знает его как автора большого романа «Россия, кровью умытая» и исторического полотна о завоевании Сибири Ермаком в XVI веке «Гуляй, Волга!».

Сын самарского грузчика, он начал трудовой путь подрестком, перебрал немало профессий. В 17 лет вступил в ряды большевистской партии. Плавал матросом на Черном море, участвовал в сражениях гражданской войны в Среднем Поволжье и на Кубани, был ранен. Он — комиссар и стоит в славном ряду героев гражданской войны. В начале двадцатых он окончил Высшие литературные курсы имени В. Брюсова, а вскоре — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

В середине тридцатых уже утверждалась и становилась год от года крепче

связь братских советских литератур. Недавно создан Союз писателей СССР. Партия поставила перед литераторами высокие цели, а руководство творческим союзом в ту пору осуществлялось при непосредственном участии Алексея Максимовича Горького. Творческое взаимобогащение литератур приносило ощутимые плоды.

В Туркмении побывали Леонов, Тихонов, Луговской, Вс. Иванов, Павленко, Платонов, создавшие впоследствии яркие художественные полотна о жизни самой южной республики страны.

Я работал тогда в Мары уполномоченным Союза писателей по области. Получил из Ашхабада задание: встретить Артема Ивановича Веселого и служить ему «гидом» в течение нескольких дней. Встреча с именитым москвичом вызвала жгучий интерес и, не скрою, чувство робости. Еще бы: я — начинающий литератор, вчерашний железнодорожник и спортсмен, а тут — сам Артем Веселый! Он приехал на три дня, устроился в скромном номере гостиницы на Хоросанской, близ вокзала, но в номере не засиживался.

Его внешность особенно запомнилась, и сейчас **вот,**

почти полвека спустя, я отчетливо представляю себе облик писателя. Он статен, атлетически сложен. Короткая стрижка темных волос, румянец во всю щеку, усы над верхней губой. Очень броская одежда: длинная, свободного кроя голубая рубашка, перехваченная витым поясом с позолоченными кистями, темно-синие галифе и шевровые сапоги, начищенные до зеркального блеска. На голове шляпа с широкими полями, наподобие мексиканского сомбреро. Выглядел Артем Иванович медлительным, ходил чуть вразвалку. Но ходок был неутомимый, а эта медлительность лишь кажущаяся, от спокойной, сдержанности.

В наших краях его занимает многое. Природа оазиса, быт простого народа, следы исторического прошлого, битвы времён гражданской войны и начальный период социалистического строительства. На сей счет

Писатель, бо

и беседы с людьми, и наши экскурсии с утра до ночи. Не мог Артем Иванович миновать древнего Мерва, куда мы с ним прибыли с утра и где бродили до полудня по развалинам. Не спеша он разглядывал реликвии, бросал негромкие замечания — сегодня древность явно не его страсть. По-настоящему же, с волнением вскоре на байрам-алийском масложиркомбинате он будет рассматривать цех, где местные рабочие, по своему почину и безвозмездно, отливали фигуру Владимира Ильича Ленина для памятника в Ашхабаде.

В окрестностях Байрам-Али заглядываем в одну колхозную бригаду, и здесь живо всем интересуется писатель. В самом Мары его интересы шире. Очень удачно встретился мне приятель, молодой туркменский журналист, толковый и грамотный, и он оказал неоценимую услугу московскому писателю, служа ему переводчиком на базаре, городских улицах.

Скажем, отправляемся раненько на базар — излюбленный объект гостя. Он готов здесь провести весь день — только время стесняет его. Огромное скопление народа, преимущественно сельских жителей, которые и

вызывают особое его любопытство. Он просит перевести ему отдельные выражения там, где люди спорят или шутят. Базар колоритен, пестр, полон цветового и шумового разнообразия. Восток — экзотика в восприятии коренного россиянина. Но здесь, в густой толпе, едва ли не самой экзотической фигурой выглядит он сам в его звонко-голубой, издалика приметной рубашке и шляпе наподобие зонта. Говорю ему об этом, он смеется, молча соглашается и выравнивает поля шляпы на голове. На пути с базара снова, уже не в первый раз, возвращается к теме минувшей войны. Уточняет расстояние до Кушки, до Захмета и Равнины, где в девятнадцатом шля сражения.

Наконец, когда мы стоим на деревянном мостике через Мургаб, заводит о литературе речь. Сначала спрашивает о туркменских писателях, о том, что и кем интересного написано в по-

монта перепишите, тоже не торопясь, по буковке, и там слушайте музыку русской речи. Неважно, что наизусть знаете «Бородино», лучше — от руки, от руки.

Здесь, пожалуй, уместно будет небольшое отступление, и мы забежим вперед на тридцать лет. Где-то в начале шестидесятых группа писателей России гостит в Туркмении. Из Ашхабада по южным районам мы сопровождаем их, а всех возглавляет Берды Мурадвич Кербабаяев. Посетили в поездке и древний Мерв. Мне довелось с поэтом Михаилом Дудиным осматривать те же крепостные валы, мавзолеи и мечети, которые некогда посещал Артем Веселый. Я вспомнил о том, и Михаил Александрович был приятно удивлен таким совпадением.

— Да неужели он тут гулял, неужто правда? — восклицал поэт. — А знаешь, это ведь замечательный писатель, революционер, ко-

ец, комиссар

следние годы. Говорю о Тащназарове, Кербабаяеве и Аламышеве, затем о местных товарищах, с которыми успел близко сойтись. Он одобрительно кивает и высказывает мнение о том, что литература Туркмении смело и правильно пошла ввысь, вперед.

— Вот увидите, что еще будет через каких-нибудь двадцать—тридцать лет, — и спрашивает меня в упор: — Кого из нынешних русских писателей читаете?

Называю несколько имен прозаиков и поэтов: Шолохова, Леонова, Зощенко, словом, тех, чьи книги в ту пору у меня под рукой.

— А мое, верно, не попадалось?

— Ну как же — «Гуляй, Волга!» — отвечаю, как на экзамене, — собираюсь прочесть «Россию, кровью умытую».

— Прочтете потому, что познакомились со мной?

— Нет, нет — потому что полюбилась «Гуляй, Волга».

— А учиться нашему ремеслу вам, начинающему автору, лучше всего, знаете, как? Возьмите «Тараса Бульбу» и, не торопясь, перепишите от слова до слова. Вслушивайтесь в ритм, постигайте музыку живой речи. А еще «Бородино» Лер-

монтова перепишите, тоже не торопясь, по буковке, и там слушайте музыку русской речи.

Значительно позже, уже в семидесятых годах, мы прочитали поэму Дудина «Комиссары мои, комиссары» с подзаголовком «Посвящается Артему Веселому». Духом высокой романтики овеяны строки поэмы, когда автор говорит об участниках той войны, «буревестниках наших побед».

Но вернемся опять в середину тридцатых, в центр Мургабской долины. Только времени мало у гостя — истекает срок командировки: пора на вокзал, к вечернему поезду Москва — Ашхабад.

— Ах, я непременно еще загляну сюда, да так недельки на две. Люди, места какие!

Скорый отходит, со ступенек вагона он пожимает мне руку, загоразивая пассажиров в тамбуре. Три дня пролетели, будто три часа, незаметно, но остался от этой встречи неизгладимый след.

Александр АБОРСКИЙ.

НА СНИМКЕ: на холмах близ Ашхабада (слева направо) Артем Веселый, Борис Шувалов, Берды Солтанниязов.

Фото 1936 года.